

Арм. СР
г. Кировакан
Армизис. ГР. М. Т-Р
им. Абеляна

СМ 1982

Заря Востока
г. Тбилиси

19 СЕН 1986

◆ ГАСТРОЛИ

ЯЗЫКОМ СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА

Гастроли Кироваканского государственного армянского театра имени О. Абеляна в Тбилиси открылись представлением драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Коллектив гостей сразу же заявил о себе, как о приверженце современного театрального языка, воплощения творимого на сцене художественного мира через систему метафорических образов.

В постановке главного режиссера театра Ваге Шахвердяна все подчинено образу «маскарада» и тесно связанному с ним образу «игры». В отличие от «карнавала» — раскованности, стирания социальных ролей в единой карнавальной игре «маскарад» — это жесткая система социальных масок,

и игры здесь — жестокие. Но горе тому, кто так или иначе в глазах общества споткнется и окажется «вне игры».

Одного из таких персонажей мы встречаем в самом начале действия. Он возникает в затянутом темными полупрозрачными занавесками пространстве сцены, в середине которой господствует обтянутый зеленым сукном стол для игры. В темном мешковатом костюме, повязанный шарфом, бородатый... Это — Неизвестный. Он повесит на светильник в углу авансцены свой цилиндр, который так и будет висеть почти до самого конца действия. А потом потянется к игорному столу, к лежащей на нем карте. Затем опустит-

ся под стол: очевидно, в поисках монетки — если брать план реально-бытовой. В то же время это его согбенное положение — метафора судьбы человека, раздавленного маскарадной игрой. И тогда из глубины сцены станут наступать на него серые маскированные фигуры. И вытеснят.

Собирательный образ маскарадного общества в спектакле весьма удачен и занимает одно из центральных мест в художественной системе постановки. Шеренги фигур будут раз за разом препятствовать свободному танцу одетой в белое платье Нины при ее первом появлении на сцене. Эта масса безлика: порой она скрывает лица под масками, держа еще одну маску в руке, порой личину снимает и обнажает под ней бездушные маски своих лиц. Эти фигуры почти все время на сцене, то активно участвуя в действии, то подглядывая из-за занавесок. И эта толпа чутко реагирует на происходящее, в тайне злорадуясь и в любой момент готовясь вытеснить, изгнать «оступившегося».

Параллельно хочется сказать об очень выразительной и точной цветовой гамме спектакля (сценография лауреата Государственной премии СССР Евгения Сафронова), об изменяющихся сочетаниях темных и багровых тонов в убранстве сцены — серые фраки кавалеров, цвет

жилетов которых меняется от зеленых в карточной игре, до кровавых в сцене отравления, и предшествующих ей черных, траурных в конце спектакля. Багровые тона — изначальный цвет костюма Шприха — затем покрывают и главных героев — Арбенина и Нину. И только в сцене смерти героиня вновь в белом одеянии.

Органично входит в спектакль и во многом ведет его музыкальная партитура постановки (композиторы — народный артист СССР Арам Хачатурян и Э. Оганесян). Хореография — также естественный элемент действия, движущий и развивающий его.

Выстроенные точно по диалектике функционирования лживого, бездушного маскарада массовые сцены спектакля, на наш взгляд, в нем наиболее впечатляющие. В этой массе есть и свой заводица, нажимающий на тайные (но вскрываемые в спектакле) пружины общественного мнения. Это — Шприх (М. Саркисян), тощая паукообразная фигура с изможденным лицом, темными провалами настороженных глаз и оттопыренными ушами. Может, и не паук, а летучая мышь.

Мы не можем сказать, что имеем какие-либо особые претензии к исполнителям главных ролей: к двум обаятельным героиням — Нине (Н. Калашян), чистота души

которой подчеркнута легкой, воздушной пластикой, Баронессе (Э. Агамян), в которой маскарадность борется с подлинностью чувств, Арбенину — заслуженному артисту Армении А. Азизяну, в основном убедительно воплощающему сложный, противоречивый характер своего героя, и сдержанного (порой излишне) в выражении чувств. А вот артисту Г. Торосяну хотелось бы в роли Звездича пожелать больше светского лоска. Но в целом для других исполнителей камертоном, по нашему мнению, должен был бы стать заключительный монолог Неизвестного (Р. Хосроев). Вот где подлинный размах страстей, сила эмоций, гневное обличение маскарадного общества. Неизвестный кироваканского спектакля — не одна из ничтожных жертв светской игры, он вырастает в фигуру, по масштабу личности не уступающую Арбенину. И этим подчеркнута, что «маскарад» губит все наиболее значительное. Спектакль завершается не сетованиями Звездича, а суммирующей смысл общественно-го маскарада репликой Неизвестного: «И этот гордый ум сегодня изнемог!»...

Ираклий
ХИМШИАШВИЛИ.

На снимке: сцена из спектакля «Маскарад». В центре — артист Р. Хосроев (Неизвестный).

